Алекс Скай

Отречённая Луна Альфы

Волчата, которых он вычеркнул

Алекс Скай

Отречённая Луна альфы. Волчата, которых он вычеркнул

«Автор»
2026

Скай А.

Отречённая Луна альфы. Волчата, которых он вычеркнул / А. Скай — «Автор», 2026

Он отрёкся от сына перед всем Советом.Северин Астравар, дракон-командор и глава могущественного рода, объявил маленького Орэна чужим: без пламени, без права на имя, без места в семье. Его жена Тиара должна была подписать отказ и смириться.Но в этот миг в её теле очнулась другая женщина.Я не знаю законов этого мира. Не помню, кого здесь надо бояться. Не умею быть покорной леди, которую удобно сломать.Зато я знаю одно: ребёнка, который вцепился в моё платье и ждёт предательства, я не отдам.Совет лишает меня всего и отправляет нас в заброшенный Дом Тихих Зеркал — место, которого боятся даже драконьи роды. Только дом встречает моего сына не как проклятого мальчика, а как истинного наследника.Теперь мне предстоит узнать, кто украл у Орэна имя, почему его отец поверил лжи и какую тайну хранят зеркала, в которых отражаются забытые дети.А Северину придётся сделать выбор: снова спрятаться за долгом или впервые стать отцом не на словах.

© Скай А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Луна без имени 5
Глава 2. Двор, который помнил детей 14
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Алекс Скай
Отречённая Луна альфы. Волчата, которых он вычеркнул

Глава 1. Луна без имени

Моё имя выскоблили из родовой книги раньше, чем я успела снять лунный обруч.

Я стояла у Камня Присяги, на мокрой от осеннего дождя площади, и чувствовала, как холод поднимается от плит через тонкие подошвы туфель. Ветер рвал края серых флагов над башнями, трепал распущенные волосы женщин в первых рядах, загонял под воротник плаща ледяные капли, но никто не уходил. Вся стая Серых Утёсов собралась смотреть, как их Луна перестаёт быть Луной.

Ещё утром меня называли госпожой. Мне кланялись у лестницы, шептали благословения вслед, просили благосклонности перед альфой, приносили бумаги с просьбами и старались поймать мой взгляд на совете семей. Теперь те же люди стояли полукругом и прятали глаза, словно моё падение могло запачкать их, если они посмотрят слишком прямо.

Дамир Ровель стоял напротив меня — высокий, неподвижный, в чёрном плаще альфы, с серебряной застёжкой у горла. Его лицо казалось выточенным из того же серого камня, что и площадь. Я знала каждую резкую линию: твёрдую челюсть, тень у виска, тёмные брови, взгляд, от которого когда-то становилось теплее даже в самую длинную ночь.

Сегодня этот взгляд был закрытой дверью.

Рядом с ним держался Ольгерд Тисс, глава Совета. У него всегда были мягкие руки и голос человека, который мог приказать казнить не повышая тона. Его седые волосы лежали безупречно, тёмно-синий плащ не намокал, будто дождь не решался касаться того, кто привык распоряжаться чужими судьбами. В пальцах Ольгерд держал свиток с печатью стаи. Печать была свежей, красной, слишком яркой на сером утре.

— Решением Совета старших и волей альфы Серых Утёсов, — начал Ольгерд, и площадь затихла так резко, что я услышала, как где-то у ворот заржал конь, — брачный союз между Дамиром из рода Ровелей и Яриной из рода Северных признаётся утратившим силу.

Слова должны были ударить. Наверное, так и случилось. Просто в первый миг я ничего не почувствовала, кроме странной пустоты в груди, словно сердце сделало шаг назад и спряталось там, куда не доходил ни голос Ольгерда, ни шёпот толпы.

Я смотрела не на свиток, а на Дамира.

Вчера вечером он ещё стоял у окна в нашей спальне и говорил, что всё решится утром. Не объяснял. Не спорил. Не кричал. Он всегда считал крик слабостью, а молчание — правом сильного. Я тогда спросила, собирается ли он хотя бы наедине сказать мне правду, и он ответил: «Правда иногда слишком тяжела для одного человека, Ярина».

Теперь я понимала: он просто не хотел нести её сам.

— Ярина Северная лишается статуса Луны стаи Серых Утёсов, — продолжил Ольгерд. — Её имя исключается из брачной ветви рода Ровелей. Право на альфийский дом, место в совете семей и печать хозяйки стаи передаются обратно роду альфы до нового назначения.

В первых рядах кто-то тихо ахнул. Возможно, старая Мелания, которая приносила мне пряжу каждую зиму и говорила, что я умею слушать лучше всех прежних Лун. Возможно, кто-то другой. Жалость в толпе пахла почти так же горько, как злорадство.

Я не обернулась.

Мой лунный обруч тяжелел на голове с каждым словом. Тонкое серебро, изогнутое в виде двух сомкнутых полумесяцев, когда-то возложила на меня мать Дамира. Тогда площадь была залита светом, люди смеялись, а Дамир держал мою ладонь так крепко, словно боялся, что меня уведут. Он наклонился к моему уху и сказал: «Теперь ты не будешь стоять одна».

Я стояла одна уже давно. Просто сегодня это наконец заметили все.

— В знак справедливого раздела, — Ольгерд чуть повернул голову, и его голос стал особенно мягким, почти заботливым, — Ярине Северной передаётся пограничный двор у старой переправы. Земля при дворе остаётся под охраной стаи, но не входит в управление альфийского дома. Это щедрое решение, учитывая обстоятельства.

В толпе прошёл шёпот.

Старый двор у переправы.

Я знала это место. Все его знали. Далёкий, промозглый, заброшенный дом за северным лесом, возле воды, где раньше останавливались караваны и пограничные дозоры. После обвала старой дороги туда почти не ездили. Если мне отдали его, значит, мне не оставили доли. Мне оставили ссылку и назвали это милостью.

Я услышала тихий женский смешок. Он оборвался сразу, но я успела повернуть голову.

Марита Велор стояла чуть позади Дамира, не рядом с ним — этого ей пока не позволили бы, — но достаточно близко, чтобы все поняли, где теперь её место. На ней был светлый плащ, слишком нарядный для дождя и площади. Тёмные волосы убраны гладко, губы сложены в выражение сдержанного сочувствия, глаза сияли осторожной победой. Она смотрела не на меня, а на мой обруч.

Я вдруг поняла, что она уже примеряла его в мыслях.

И это оказалось почти смешно.

Не потому, что мне не было больно. Было. Так, что хотелось сжать пальцы до хруста. Но в этот миг всё вокруг стало невыносимо ясным: Дамир молчал, Ольгерд говорил его голосом, Марита ждала моей короны, толпа ждала моих слёз. Каждый из них уже отвёл мне роль — униженная жена, отвергнутая Луна, женщина, которую можно проводить взглядом до ворот и забыть к вечеру.

Я не собиралась играть для них так послушно.

— Альфа Ровель, — произнёс Ольгерд, поворачиваясь к Дамиру, — подтвердите волю.

Дамир шагнул вперёд.

У него были руки в чёрных перчатках. Я помнила эти руки без перчаток: горячие после зимней охоты, тёплые на моей талии, уверенные, когда он поднимал меня на коня, осторожные, когда однажды в грозу закрывал мои уши от грома и смеялся, что его Луна боится не волков, а неба.

Сегодня он не коснулся меня даже взглядом сразу. Сначала посмотрел на Камень Присяги, потом на Совет, потом на толпу. Только после этого — на меня.

— Я подтверждаю решение, — сказал он.

Слова были ровными. Без дрожи. Без сожаления, которое могло бы спасти хоть что-то. Даже если оно пряталось внутри, он не дал ему выйти наружу.

Мне захотелось спросить, когда именно он научился убивать не клыками, а тишиной. Но площадь не была местом для крика. На площади проигрывал тот, кто начинал просить.

Я подняла подбородок.

— Ради стаи? — спросила я.

Ольгерд чуть заметно напрягся. Дамир посмотрел мне прямо в глаза, и на мгновение под каменной неподвижностью его лица мелькнуло что-то острое. Не боль. Нет. Скорее раздражение, что я нарушила порядок обряда.

— Ради её будущего, — ответил он.

— Как давно ты стал путать стаю с теми, кто стоит у тебя за плечом?

Толпа перестала дышать.

Ольгерд улыбнулся раньше, чем Дамир успел ответить.

— Ярина, — сказал он почти ласково, — в такой день достоинство особенно важно. Не стоит превращать законный обряд в ссору.

Я посмотрела на него и впервые за всё утро позволила себе улыбнуться.

— В такой день, Ольгерд Тисс, особенно важно помнить, кто пишет законы, а кто прячется за ними.

На его лице не изменилось ничего. Только пальцы сильнее сжали свиток. Дамир сделал шаг ко мне, и я ощутила то старое давление альфы, от которого у многих подгибались колени: невидимая тяжесть власти, приказ, ещё не произнесённый вслух.

Когда-то я верила, что эта сила защитит меня.

Теперь она пыталась заставить меня замолчать.

— Ярина, — произнёс он низко. — Не надо.

Вот и всё. Не «прости». Не «я объясню». Не «я не хотел так». Просто: не надо. Как будто моя боль была неудобством, которое можно убрать с площади вместе с мокрыми флагами.

— Не надо было приводить меня сюда, если ты боялся услышать мой голос, — сказала я тихо.

Дамир сжал челюсть.

Марита опустила взгляд, но я заметила тень удовольствия на её губах. Она уже знала, что подобные слова не спасут меня, а лишь убедят толпу: бывшая Луна слишком гордая, слишком резкая, слишком неподходящая для покорного места у трона альфы.

Может быть.

Я никогда не умела быть украшением.

Ольгерд подал знак двум старшим женщинам рода Ровелей. Они шагнули вперёд. Одна несла тёмную ткань, другая — маленькую шкатулку для лунного обруча. Я узнала их обеих: тётка Дамира, Эльвина, и её младшая сестра. Они смотрели мимо меня, будто снимая обруч не с живой женщины, а со статуи, которую пора убрать из зала.

— Лунный знак должен быть возвращён, — произнесла Эльвина.

Я отступила на полшага.

В толпе снова прошёл шорох. Дамир резко поднял глаза.

— Ярина.

Теперь в его голосе был приказ.

Я медленно подняла руки к голове. Серебро было холодным, но под пальцами обруч вдруг показался живым. Я вспомнила день, когда приняла его. Вспомнила свою ладонь в ладони Дамира. Вспомнила, как он смотрел на меня не как на вещь рода, а как на женщину, которую выбрал. Вспомнила все ночи, когда ждала, что он снова посмотрит так же.

Потом сняла обруч сама.

Не торопясь. Не давая Эльвине коснуться моих волос.

Серебро скользнуло вниз, и вместе с ним словно оборвалось что-то невидимое. Не связь — она умерла раньше. Скорее последняя привычка надеяться.

Я положила обруч в шкатулку. Не уронила. Не швырнула к ногам. Не подарила Марите удовольствия увидеть, как у меня дрогнут пальцы.

— Теперь вы довольны? — спросила я.

Эльвина закрыла крышку.

Дамир молчал. Его взгляд на мгновение задержался на моей непокрытой голове, на влажных прядях у висков, на следе, который оставил обруч. Мне показалось, что он хочет что-то сказать. Всего одно слово. Может быть, приказ. Может быть, прощание.

Он не сказал.

И это стало последней чертой.

Я повернулась к толпе. Люди расступились не сразу. Некоторые не хотели уступать дорогу бывшей Луне, потому что ещё минуту назад ждали, как её уведут. Другие отступили слишком поспешно, боясь оказаться рядом со мной в миг моего падения. Я прошла между ними, чувствуя на себе взгляды, шёпот, сожаление, чужое облегчение: не их имя выскоблили, не их дом забрали, не их брак превратили в показательный урок.

У края площади меня догнал голос Дамира.

— Ярина.

Я остановилась, но не обернулась.

— Двор у переправы непригоден для зимы, — сказал он после паузы. — Я пришлю людей, чтобы они проверили крышу и ворота.

Вот оно. Милость победителя. Доски вместо ответа. Рабочие руки вместо признания, что он только что оставил меня без всего, кроме гордости и старого дома на краю земель.

— Не трудись, альфа, — сказала я, всё ещё глядя на ворота перед собой. — После сегодняшнего я предпочту сквозняк твоей заботе.

Ветер унёс мои слова по площади, но я знала, что он услышал. И знала, что Ольгерд услышал тоже. Марита наверняка прикусила губу, чтобы не улыбнуться слишком широко.

Я пошла дальше.

За воротами альфийского двора меня ждал старый возчик с закрытой повозкой. Его звали Степан, кажется. Он служил при конюшнях ещё до моего брака с Дамиром и всегда снимал шапку, когда видел меня у лестницы. Сегодня он не знал, как обращаться.

— Госпожа… — начал он и сразу смутился. — То есть… Ярина Северная. Мне велено отвезти вас к переправе.

— Спасибо, Степан.

Он вздрогнул от собственного имени в моих устах, будто я сделала ему честь, хотя честь сегодня у меня отобрали вместе с обручем. Я села в повозку сама. Никто не подал руки. Может, это было к лучшему. Если бы кто-нибудь проявил доброту, я могла бы не выдержать.

Когда колёса тронулись по мокрой дороге, стены Серых Утёсов начали медленно отступать. Сначала исчезла площадь, потом башни, потом флаги. Замок, где я прожила семь лет, стал серым пятном между соснами. Там остались мои платья, книги, рабочий стол у окна, чашка с трещиной, которую Дамир однажды не позволил выбросить, потому что сам разбил её и сказал, что так у вещи появляется характер. Там осталась женщина, которой я была.

Я думала, что заплачу, когда ворота закроются за мной.

Не заплакала.

Вместо слёз внутри появилась странная пустая ясность. Я больше не должна была улыбаться гостям, которых не уважала. Не должна была молчать, когда Совет решал судьбы семей за закрытыми дверями. Не должна была ждать Дамира ужином, пока он до ночи слушал Ольгерда. Не должна была быть мягкой там, где от меня требовали покорности, и мудрой там, где меня просто не хотели слышать.

Мне оставили старый двор.

Пусть.

Двор хотя бы не притворялся домом.

Дорога к переправе тянулась через северный лес. Осень там была темнее, чем у стен стаи: еловые лапы висели низко, мокрые ветви цепляли крышу повозки, в колеях стояла вода. Степан правил молча. Я была благодарна ему за это. Любой разговор сейчас прозвучал бы как скрип ножа по стеклу.

Сначала я сидела прямо, как на площади, будто толпа всё ещё видела мою спину. Потом силы оставили плечи, и я прислонилась к стенке повозки. На коленях лежал маленький кожаный мешок — всё, что мне позволили взять без осмотра: тёплая накидка, гребень матери,

несколько писем, нож для дороги и связка ключей от двора. Ключи были старыми, тяжёлыми, с тёмными пятнами на металле. Их передал мне не Дамир. Ольгерд.

«Чтобы не было лишних разговоров», — сказал он.

У Ольгерда всегда всё было ради порядка.

Я сжала ключи так, что металл впился в ладонь.

На полпути дождь стал мельче, но злее. Он не падал каплями, а висел в воздухе холодной пылью, забирался под кожу, оседал на ресницах. Степан наконец кашлянул.

— У переправы давно никто не живёт, — сказал он, не оборачиваясь. — Но стены крепкие. Мой брат лет десять назад возил туда доски. Дом упрямый.

— Это хорошо, — ответила я. — Упрямые дома мне подходят.

Он помолчал.

— Простите, госпожа.

Я закрыла глаза.

Вот от этого стало больно. Не от слов Дамира, не от печати Совета, не от шёпота Мариты. От старого возчика, который не обязан был жалеть меня и всё равно жалел.

— Не называй меня госпожой, Степан.

— А как же?

Я посмотрела в серую щель между занавесками повозки. Лес тянулся бесконечно, но впереди уже слышалась вода.

— Пока никак, — сказала я. — Сегодня у меня нет имени для таких обращений.

Он больше ничего не сказал.

К старой переправе мы добрались к вечеру, когда небо стало одного цвета с рекой. Вода шумела где-то за низкими кустами, тяжёлая и тёмная, перебирала камни у берега. Старый двор стоял на пригорке, окружённый кривым забором. Ворота перекосились, но держались. Над ними висела деревянная доска с выцветшим знаком стаи: серый волк на фоне двух утёсов. Ветер качал её, и доска тихо стучала, будто дом пытался предупредить меня ещё у входа.

Степан остановил повозку.

— Помочь занести вещи?

Я посмотрела на свой маленький мешок и почти рассмеялась. Вещи. Одно слово — и вся моя прежняя жизнь стала смешной.

— Не нужно. Возвращайся, пока дорогу совсем не размыло.

Он колебался.

— Вас здесь одну оставить?

Я открыла дверцу. Холод сразу ударил в лицо. Старый двор смотрел тёмными окнами, и в одном из них мне на мгновение почудилось движение. Я моргнула. За мутным стеклом было только отражение серого неба.

— Меня уже оставили, Степан. Ты тут ни при чём.

Он снял шапку. В этом жесте не было ни страха, ни расчёта. Просто человеческое уважение, тихое и неловкое. Я кивнула ему и пошла к воротам.

Ключ подошёл не сразу. Замок заедал, скрежетал, словно возмущался, что его разбудили. Я толкнула створку плечом, и ворота раскрылись с протяжным стоном. Во дворе пахло мокрым деревом, старой золой и рекой. Под навесом валялись обломки бочек, у стены стояла покосившаяся скамья, на которой кто-то когда-то вырезал ножом детское солнце с кривыми лучами.

Я остановилась перед этим солнцем.

Детское.

Палец сам провёл по шероховатым линиям. Резьба была не новой, но и не такой древней, как всё вокруг. Лучи ещё не успели сгладиться от дождей. Я нахмурилась и оглядела двор внимательнее.

Место было заброшенным, но не мёртвым.

У крыльца виднелись следы на грязи. Маленькие. Слишком маленькие для взрослого мужчины и слишком чёткие, чтобы быть старыми. На нижней ступени лежал обрывок серой ткани, зацепившийся за щепку. У дверного косяка кто-то оставил царапины — не звериные, нет, скорее следы от торопливых пальцев или ножика. Я прислушалась.

Река шумела. Ветер гнал по двору сухие листья. Где-то под навесом капала вода.

Больше ничего.

— Вот и всё, Ярина, — сказала я себе тихо. — Теперь ты пугаешься собственного дома.

Собственного. Слово прозвучало странно. У меня никогда не было ничего собственного. Даже комнаты в альфийском доме принадлежали роду Ровелей, даже украшения были частью статуса, даже мой обруч не был моим. А этот кривой двор, с облупленными дверями и холодным очагом, отдали мне как насмешку. Но насмешка, записанная на бумаге с печатью, всё же оставалась правом.

Я вошла в дом.

Внутри было темнее, чем снаружи. Запах старого дерева и сырости встретил меня сразу, но под ним пряталось что-то ещё — слабое, живое. Не дым. Не еда. Тепло, которое осталось от чьего-то дыхания в закрытом помещении. Я замерла на пороге, позволяя глазам привыкнуть.

Большая передняя комната сохранила следы прежнего назначения: длинные столы вдоль стен, лавки, крюки для дорожных плащей, широкий очаг с чёрной пастью. В углу стоял сундук без крышки. На полу валялись листья, занесённые ветром, щепки и обрывки старой верёвки. Окно слева было заколочено не полностью; через щель тянуло так, что паутина дрожала, как живая.

Я поставила мешок у двери и прошла к очагу. Зола внутри была не древней. Я присела и осторожно коснулась её пальцами. Холодная сверху, но в глубине — чуть мягче, будто огонь здесь горел не так давно.

Кто-то был в доме.

Я резко поднялась.

— Есть здесь кто-нибудь?

Мой голос прозвучал слишком громко, отскочил от балок и ушёл в коридор. Дом ответил скрипом. В дальнем углу что-то едва слышно шевельнулось.

Я повернулась туда.

— Я не причиню вреда, — сказала я уже тише.

Тишина стала плотнее.

Мне следовало выйти, дождаться утра, позвать людей. Но каких людей? Тех, кто сегодня смотрел, как меня лишают имени? Ольгерда? Дамира? Нет. Если в доме прятался беглый слуга или воришка, я справлюсь. Если зверёк — тем более.

Я взяла с ближайшего стола тяжёлый обломок подсвечника и пошла к коридору. Половицы стонали под ногами. На стенах висели тёмные пятна от старых светильников, и в каждом пятне мне чудилось лицо. После площади моё воображение стало слишком щедрым.

Вторая комната оказалась меньше. Там стояла широкая лавка, накрытая рваной тканью, и старый шкаф с раскрытой дверцей. На полу у шкафа лежал кусочек хлебной корки. Я присела и подняла его. Он был суховатым, но не каменным. Значит, кто-то ел здесь недавно.

В груди неприятно стянуло.

— Эй, — позвала я. — Я знаю, что ты здесь. Выходи. Я не стану звать стражу.

Шорох повторился. На этот раз снизу.

Я медленно опустила взгляд. Под лавкой в полу виднелась щель, которую почти закрывал сдвинутый коврик. Коврик был старый, истёртый, но лежал слишком аккуратно для заброшенного дома. Я отложила подсвечник, подцепила ткань и потянула.

Петли в полу.

Подпол.

Сердце ударило так сильно, что на миг заглушило шум реки. Я встала на колени и потянула за кольцо. Крышка не поддалась. Кто-то держал её изнутри.

Я замерла.

Зверёк не стал бы держать крышку.

— Послушай, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я сегодня потеряла почти всё и слишком устала, чтобы играть в страшные игры со старым полом. Если ты человек, ответь.

Долгое молчание.

Потом снизу раздалось тихое, хриплое:

— Уходи.

Ребёнок.

Я убрала руку с кольца так резко, будто обожглась. Не от страха — от неожиданного укола в самое сердце. Там, под полом, сидел ребёнок. Один? Несколько? Почему? Кто оставил его здесь?

— Я не уйду, — сказала я мягче. — Здесь холодно.

— Нам не холодно.

«Нам».

Я медленно выдохнула.

— Сколько вас?

Ответа не было. Зато где-то за крышкой послышался торопливый шёпот, потом приглушённый всхлип, сразу оборванный чьей-то ладонью. Я закрыла глаза на секунду. Площадь, Дамир, обруч, Марита — всё отступило. В доме были дети. Живые. Напуганные. Прячущиеся от того, кто мог прийти за ними.

— Меня зовут Ярина, — сказала я. — Сегодня мне отдали этот двор. Я не знала, что здесь кто-то есть.

— Врёшь, — ответил тот же голос.

Мальчик. Лет двенадцать, может, меньше. Голос старался быть грубым, но ломался от усталости и страха.

— Возможно, — сказала я. — Но не сейчас.

Опять тишина.

— Ты из замка, — сказал он.

— Была.

— Значит, за нами.

— Нет.

— Все так говорят.

Я услышала, как кто-то маленький закашлялся от холода или долгого молчания, и мальчик под полом тихо шикнул. Никакой зверёк. Никакой вор. Дети. Их было несколько, и они боялись взрослых настолько, что предпочитали сидеть в темноте под заброшенным домом.

Я поднялась, окинула комнату взглядом и увидела у стены старую лучину. Света почти не было, но в передней комнате у моего мешка лежало огниво. Я вернулась, достала его, зажгла щепу и поставила в железный держатель. Пламя дрогнуло, осветило комнату неровным тёплым кругом. Стены сразу стали менее враждебными, но тени под лавкой сгустились.

— Я открою крышку, — сказала я, вернувшись к люку. — Медленно. Если вы не хотите выходить, не выходите. Я просто должна увидеть, что с вами всё… что вы можете подняться сами.

Я едва не сказала другое слово, привычное и заботливое, но вовремя остановилась. Не надо было давить. Не надо было звучать как взрослые, которые сначала обещают, а потом решают за тебя.

Снизу зашептались.

— Орин, не надо, — тонко прошептала девочка.

— Молчи, Ная.

Так я узнала первые имена.

Крышка дрогнула сама. Изнутри её отпустили, но не до конца. Я подцепила кольцо и подняла. Из подпола пахнуло холодной землёй, влажным деревом и детским страхом.

Сначала я увидела глаза.

Пять пар.

Они смотрели на меня из темноты так, будто я была не женщиной с мокрыми волосами и пустыми руками, а вся стая Серых Утёсов сразу: ворота, приказы, печати, сильные взрослые голоса, от которых маленьким лучше прятаться.

Ближе всех стоял мальчик с тёмными взъерошенными волосами. Худой, напряжённый, с грязной щекой и слишком взрослым взглядом. Он держал перед собой короткую доску, как оружие. За его плечом выглядывала девочка с острыми глазами и спутанной косой. Она скалилась почти по-волчьи, прижимая к себе маленького мальчика в большой чужой рубахе. Ещё один ребёнок сидел у стены, обхватив колени руками. Самая младшая девочка, светлая, с огромными серыми глазами, смотрела на меня без страха. Нет, не без страха. Со странной надеждой, которая была страшнее.

Я опустилась на колени у края люка.

— Орин? — тихо спросила я.

Мальчик вскинул доску.

— Не подходи.

— Не подойду.

— И не зови никого.

— Не позову.

— Ты врёшь.

— Возможно, когда-нибудь ты сам решишь, что я говорю правду.

Он нахмурился, словно такой ответ сбил его с привычной колеи. Ная за его спиной сжала губы и ещё крепче прижала младшего к себе.

— Ты пахнешь замком, — сказала она.

Я могла бы ответить, что уже нет. Что замок избавился от меня так же легко, как от старой золы в очаге. Но детям не нужна была моя боль. У них хватало своей.

— Сегодня это скоро выветрится, — сказала я.

Маленькая светлая девочка вдруг шагнула вперёд. Орин попытался остановить её, но она ускользнула, встала под луч света и подняла лицо ко мне.

— Ты Луна, — сказала она.

Горло сжалось так резко, что я не сразу смогла вдохнуть.

— Нет, — произнесла я после паузы. — Уже нет.

Она покачала головой с уверенностью, невозможной для такого маленького существа.

— Луна не там, где обруч. Луна там, где не страшно.

Орин резко дёрнул её назад.

— Эльса, замолчи!

Эльса. Пятое имя упало в мою память тихим светом.

Я смотрела на них и понимала, что не знаю, что делать. Накормить? Согреть дом? Спросить, кто их оставил? Нельзя было сразу требовать ответы. Нельзя было протянуть руки. Нельзя было плакать. Я была взрослой, а значит, в их глазах уже виноватой, пока не доказано обратное.

— Я принесу вам воды из колодца и найду, что можно съесть, — сказала я. — Вы можете оставаться там, если хотите. Только не закрывайте крышку плотно. Воздуха мало.

— Мы сами знаем, — буркнул Орин.

— Хорошо.

Я уже собиралась подняться, когда заметила у стены подпола деревянную дощечку. Она была прислонена к камню, наполовину закрытая старой тканью. На ней темнели буквы, выжженные грубо, но отчётливо. Рядом висела печать — не целая, отломанная по краю, однако знак Совета я узнала сразу.

Внутри меня что-то похолодело.

Я потянулась к дощечке.

Орин бросился вперёд.

— Не трогай!

— Я только посмотрю.

— Нельзя!

Ная вцепилась в его рукав, но было поздно. Я уже увидела слова.

Не все. Сначала только отдельные: «родовые списки», «без права», «до особого решения». Потом пламя дрогнуло, тень сдвинулась, и вся строка открылась целиком.

«Вычеркнуты по приказу альфы Дамира Ровеля».

Я прочитала её один раз. Потом второй. Потом ещё, словно буквы могли измениться, если смотреть достаточно долго.

Дамир.

Не Совет. Не безликая ошибка. Не старый закон, который все забыли отменить. Его имя стояло под судьбой этих детей так же ровно, как утром стояло под моей.

Орин поднял доску выше, готовый защищать младших от меня, от замка, от всей стаи. Ная смотрела исподлобья. Мальчик у стены не шевелился. Сава — я почему-то решила, что это он, — прятал под рубахой что-то маленькое и тёмное. Эльса всё ещё смотрела на меня так, будто я могла сделать то, чего не сделал никто.

Я медленно отпустила край дощечки.

Мой дом забрали. Моё имя выскоблили. Моё место отдали другой женщине. Ещё утром я думала, что это и есть дно, ниже которого падать уже некуда.

Но под старым двором, в сыром полумраке, сидели пятеро волчат, которых взрослые вычеркнули из жизни одним росчерком, и вдруг мой разбитый брак стал самым малым из преступлений Дамира Ровеля.

Глава 2. Двор, который помнил детей

Я не сразу убрала взгляд от дощечки.

Буквы словно впились в дерево не огнём, а чужой волей: ровные, сухие, окончательные. «Вычеркнуты по приказу альфы Дамира Ровеля». Ни одно слово не дрожало. Ни одно не сомневалось. Так пишут не в спешке и не по ошибке. Так записывают то, что должно стать законом для всех, кроме тех, кого этот закон ломает.

Орин всё ещё держал перед собой доску. Его пальцы побелели от напряжения, но он не отступал. За его плечом Ная почти беззвучно дышала сквозь зубы, прижимая к себе младших так, будто сама была дверью, замком и стеной. Тум сидел у камня и смотрел в пол. Сава подтянул колени к груди и спрятал под рубахой тот тёмный осколок, который я успела заметить. Эльса одна не пряталась. Она смотрела на меня, и в её взгляде было невозможное — просьба без слов, доверие, которое ещё не знало, насколько опасно доверять.

Я медленно отняла руку от дощечки.

— Я не заберу её, — сказала я.

Орин сощурился.

— Уже увидела.

— Да.

— Значит, теперь побежишь к ним.

Я могла бы спросить: к кому? К Совету? К Дамиру? К тем, кто сегодня утром так же спокойно выскоблил моё имя? Но вопрос был бы глупым. Для Орина все взрослые принадлежали одной стороне, даже когда стояли в разных плащах.

— Нет, — ответила я. — Не побегу.

Он коротко, зло усмехнулся.

— Все сначала так говорят. Потом говорят, что надо «разобраться». Потом приходят люди с верёвками для ворот и печатями для дверей. Потом нас опять считают.

Слово «считают» прозвучало хуже любого крика. Не ищут. Не называют. Не спрашивают. Считают — как мешки в кладовой, как доски для ремонта, как чужую вину, которую надо куда-то переложить.

Я поднялась с колен так осторожно, будто любое резкое движение могло расколоть комнату.

— Я выйду в переднюю и разведу огонь. Дверь в подпол останется открытой. Кто захочет — поднимется. Кто не захочет — останется там. Я не полезу за вами.

— А нож? — спросила Ная.

Я посмотрела на неё.

— Что нож?

— У тебя есть.

Она сказала это уверенно. Не предположила — знала. Значит, почуяла металл или заметила тяжесть в моём дорожном мешке ещё раньше, чем я успела понять, что за мной наблюдают.

Я вернулась к двери, достала из мешка короткий дорожный нож и положила его на дальний стол, рукоятью от себя.

— Вот.

Орин глянул на нож, потом на меня. В его глазах мелькнуло растерянное раздражение: я нарушала порядок, к которому он привык. Взрослые не отдавали острое. Взрослые прятали руки. Взрослые обещали безопасность, но сначала забирали всё, чем можно было защититься.

— Это ничего не значит, — буркнул он.

— Знаю.

Я не стала ждать, пока он найдёт новый повод не верить. В передней комнате холод успел стать плотнее. В щели окна свистел ветер, в очаге лежала тёмная зола. Я собрала щепки, сухие края старого ящика, две тонкие половицы, которые и так почти отставали у стены, и принялась разводить огонь. Пальцы плохо слушались после дороги и площади. Металл огнива скользил, искра гасла, но я упрямо начинала снова, пока наконец маленькое пламя не лизнуло сухой край щепы.

В доме сразу стало иначе.

Не тепло — до тепла было далеко, — но живее. Тени отступили от очага, балки над головой проступили из темноты, на стене проявились старые зарубки. Я заметила их, когда пламя разгорелось ярче: короткие линии разной высоты, вырезанные у дверного косяка. Рядом с каждой кто-то когда-то царапал буквы. Большинство стёрлось, но кое-что ещё читалось: «Мир», «Лис», «Аня», «Сем». Детские имена. Старые, чужие, случайно уцелевшие.

Дом и правда помнил детей.

Я стояла перед этими зарубками и вдруг ощутила, как в груди поднимается странная, почти болезненная решимость. У меня забрали альфийский дом, где каждое имя зависело от родовой книги. Но здесь, в кривом дворе у переправы, имена держались на дереве, вырезанные неровными детскими руками, пережившие дождь, холод, чужое равнодушие. Их никто не выскоблил. Никто не пришёл с печатью, чтобы объявить, что Мир или Лис больше не имеют права быть собой.

За моей спиной тихо скрипнула половица.

Я не обернулась сразу. Дала тому, кто вышел, понять: я слышу, но не бросаюсь.

Первой оказалась Эльса. Она выбралась из подпола босиком, в платьице, которое когда-то было зелёным, а теперь стало цвета мокрой травы. Следом поднялась Ная, резкая, настороженная, готовая в любую секунду схватить девочку и утащить обратно. За ней — Сава, сутулый, худенький, с глазами испуганного зверька. Осколок под его рубахой стукнул о ребро, и он тут же прижал к груди ладонь.

Орин поднялся последним. Тум не вышел.

— Ему там лучше, — сказал Орин, перехватив мой взгляд.

— Ему там холоднее.

— Ему всё равно.

Это было сказано слишком быстро. Ложь, которой мальчик прикрывал не себя, а чужую слабость.

Я кивнула, будто приняла.

— Тогда пусть пока будет там.

Ная подошла к очагу, но не слишком близко. Она держалась боком, закрывая Эльсу плечом. На вид ей было лет десять, может, одиннадцать, но в её взгляде жила усталость взрослой женщины, которой слишком рано пришлось понять, что маленьких защищают не красивые слова, а зубы.

— Есть хотите? — спросила я.

Сава сглотнул так заметно, что ответ стал лишним. Эльса сразу кивнула, но Ная дёрнула её назад.

— Мы не берём чужое.

— Теперь это не чужое, — сказала я. — Мне отдали этот двор.

— Тебя тоже отдали, — вдруг произнёс Орин.

Комната будто остановилась.

Он смотрел прямо, почти с вызовом. Не жестоко — точно. Он слышал больше, чем я думала. Может быть, кто-то из слуг по дороге говорил. Может, слухи добежали быстрее повозки. А может, дети, которых вычеркнули из стаи, лучше других чуяли чужое изгнание.

Я медленно выдохнула.

— Да, — сказала я. — Меня тоже.

Ная нахмурилась. Сава поднял глаза. Эльса прижала ладонь к губам, словно моя правда испугала её больше, чем ложь.

Орин ждал, что я рассержусь. Я видела это по тому, как он чуть сильнее сжал свою доску. Но злость внутри меня давно горела в другом направлении.

— Поэтому я знаю, как звучит дверь, когда её закрывают с той стороны, — добавила я. — И не собираюсь закрывать такую дверь перед вами.

Никто не ответил.

Я нашла в кладовой больше, чем ожидала. Старый двор был заброшен, но не обобран до конца: в каменном углублении под лестницей стоял мешок с крупой, сухой и целый; в ящике лежали морщинистые яблоки; в углу нашлась связка луковиц, почти проросших, но ещё крепких. Я принесла всё к очагу, налила воды из кувшина, который наполнила у колодца, и поставила чугунок на крюк. Дом отзывался на каждое движение скрипом, будто просыпался и ворчал, что его покой нарушили сразу шестеро живых.

Дети следили молча.

Орин не выпускал доску. Ная сидела на лавке так, чтобы видеть и меня, и дверь, и люк в подпол. Сава устроился у самой стены, поглаживая пальцами скрытый осколок. Эльса подошла к зарубкам на косяке и осторожно провела по ним ладошкой.

— Они тут жили? — спросила она.

— Думаю, останавливались. Может, с родителями. Может, с караванами.

— Их не вычеркнули?

Я помешала крупу, чтобы не смотреть на её лицо слишком долго. У детей были вопросы, которые взрослые не заслуживали слышать.

— Эти имена остались, — сказала я.

Эльса задумалась.

— А наши останутся?

Орин резко поднялся.

— Не надо.

— Я просто спросила.

— Не спрашивай такое.

— Почему?

— Потому что имена слышат!

Он сказал это почти шёпотом, но в нём было столько страха, что даже Ная перестала хмуриться и посмотрела на дверь. Я медленно опустила деревянную ложку на край стола.

— Кто тебе это сказал?

Орин замкнулся сразу.

— Никто.

— Орин.

— Никто!

Пламя в очаге хлопнуло, выбросив искру. Эльса вздрогнула. Из подпола донёсся едва слышный шорох — Тум тоже услышал.

Я больше не давила. Только подошла к косяку и коснулась пальцами старых зарубок.

— Тогда я скажу то, что знаю сама. Имя не ловушка. Ловушкой его делают те, кто считает, что имеет право решать, кому быть, а кому исчезнуть. Здесь я не буду писать ваши имена без вашего разрешения. Не буду звать вас громко, если вы боитесь. Но я буду помнить. Даже молча.

Ная смотрела на меня долго. Потом вдруг сказала:

— Память тоже можно отнять.

— Можно, — согласилась я. — Если человек отдаст её сам.

Она отвернулась первой.

Когда еда была готова, дети не двинулись. Запах наполнил комнату — простой, тёплый, почти домашний. У меня свело живот: я с утра не ела, но голод детей был острее моего. Я поставила миски на стол и отступила.

— Берите сами.

Сава посмотрел на Орина. Эльса — на Наю. Ная — на меня.

— Ты первая, — сказал Орин.

Я поняла не сразу.

— Что?

— Ешь первая.

Он ждал. Все ждали. Даже Тум внизу затих так, будто прислушивался к моему дыханию. Во мне поднялась горечь: кто-то уже научил их проверять еду через чужой рот. Кто-то сделал обычную миску частью страха.

Я взяла ложку, села на край лавки и съела несколько глотков. Горячее обожгло язык, но я не поморщилась. Потом отодвинула миску.

— Теперь вы.

Эльса сорвалась первой. Ная поймала её за рукав, но сама не выдержала и потянулась к ближайшей миске. Сава ел быстро, почти не жуя, и всё время оглядывался, будто еду могли отнять. Я хотела сказать ему не торопиться, но вовремя прикусила язык. Для детей, которые слишком долго не знали, будет ли следующая миска, такие слова звучали бы издевательством.

Орин ел последним. Стоя. Одной рукой держа ложку, другой — доску.

— Сядь, — тихо сказала Эльса. — Ты устал.

— Не устал.

— Устал.

— Ешь.

Она послушалась, но глаза у неё стали влажными. Орин заметил, сжал губы и отвернулся к окну.

Я взяла ещё одну миску и подошла к люку. Внизу было темно, только отсвет огня падал на край лестницы.

— Тум, — позвала я негромко. — Я поставлю здесь. Не спускаюсь.

Ответа не было.

Я наклонилась, чтобы оставить миску на верхней ступеньке, и в этот момент Ная бросилась ко мне так быстро, что я не успела отдёрнуть руку. Острые зубы сомкнулись на моём запястье.

Боль вспыхнула резко, но я удержалась от крика. Только вдохнула сквозь зубы и замерла.

Сава вскочил. Эльса ахнула. Орин побледнел и схватил Наю за плечо.

— Отпусти!

Ная не отпускала. Её глаза были полны ужаса, а не злости. Она кусала не потому, что хотела сделать больно. Она кусала потому, что рука взрослого потянулась туда, где прятался тот, кого нельзя было трогать.

Я очень медленно разжала пальцы и поставила миску на пол.

— Хорошо, — сказала я тихо. — Я поняла.

Ная отпустила.

На запястье остались красные следы зубов. Несколько капель выступили на коже. Я закрыла их рукавом, не делая из этого события ни наказания, ни жертвы.

— За Тума? — спросила я.

Ная тяжело дышала.

— Он не любит, когда к нему сверху.

— Больше не буду.

— Ты должна злиться.

— Я злюсь, — сказала я. — Но не на тебя.

Это, кажется, испугало её сильнее, чем крик. Она отступила к лавке, прижала руки к животу и впервые за всё время выглядела не волчонком, а ребёнком, которому страшно после собственного поступка.

Орин опустил доску.

— Она не хотела.

— Я знаю.

— Если скажешь кому-нибудь…

— Некому говорить.

Он посмотрел на меня так, будто хотел возразить, но не нашёл слов. Может быть, впервые за день он понял: у меня и правда никого не осталось по ту сторону этой двери.

Тум не взял миску сразу. Только спустя несколько минут снизу высунулась тонкая рука и бесшумно утащила её в темноту. Ная заметила и едва заметно расслабилась.

После еды дети стали сонными, но сон не приходил к ним легко. Тело могло устать, а страх оставался на страже. Я вытащила из сундука старые шерстяные покрывала, вытряхнула пыль у двери, расстелила у очага. Орин всё проверил сам: углы, дверь, окно, расстояние до люка. Ная устроила Эльсу у стены, Саву посадила рядом, а сама легла так, чтобы при первом шуме вскочить.

Сава всё ещё держал руку под рубахой.

— Тебе неудобно так спать, — сказала я.

Он вздрогнул.

— Нормально.

— Я не заберу.

— Все говорят.

— Тогда пусть будет не разговор, а правило, — сказала я. — В этом доме никто не трогает чужое без разрешения.

Сава медленно поднял на меня глаза. Они были светло-карие, огромные на худом лице.

— Даже если это родовой знак?

Орин резко повернулся.

— Сава!

Мальчик сжался, но было поздно. Слова уже вышли. Я села на корточки перед ним, оставив между нами достаточно места.

— Особенно если это родовой знак.

Он смотрел на меня долго, потом двумя пальцами вытащил из-под рубахи осколок. Не весь знак — только кусок тёмного металла с серебряной жилкой по краю. На нём сохранилась часть вырезанного символа: не то крыло, не то волчий хвост, разломанный так грубо, будто пластину не потеряли, а сломали намеренно.

— Это не украденное, — прошептал Сава.

— Я верю.

— Не верь просто так, — сердито сказал Орин. — Он мог украсть.

Сава вспыхнул и сжал осколок в кулаке.

— Не украл!

— Я знаю, — сказала Ная неожиданно тихо.

Все посмотрели на неё. Она отвела глаза.

— Он с ним пришёл.

Пришёл. Не родился? Не был найден? Не получил? Слова цеплялись одно за другое, но я не стала вытягивать из них ответы. Сегодня дети дали мне больше, чем могли вынести.

— Тогда пусть останется у него, — сказала я.

Сава спрятал осколок обратно, но уже не так судорожно.

За окном вдруг хрустнула ветка.

Орин вскочил первым. Ная закрыла собой Эльсу. Сава отполз к стене. Из подпола донёсся глухой стук — Тум, наверное, ударился о край лестницы, торопясь уйти глубже.

Я подняла руку, призывая к тишине, и подошла к окну. Сквозь щель в досках был виден двор: мокрые камни, перекошенная скамья, полоска ворот. Сначала я решила, что это ветер. Потом услышала конское фырканье.

Кто-то приехал.

Внутри у меня похолодело так же, как тогда, когда я увидела имя Дамира на дощечке. Слишком быстро. Я едва успела войти в этот дом, едва успела разжечь огонь, и уже чужая воля стояла у ворот.

— В подпол, — шепнул Орин.

— Нет, — сказала я.

Он резко повернулся ко мне.

— Ты не понимаешь!

— Понимаю достаточно. Если все исчезнут, они поймут, что в доме кто-то есть. Ложитесь у очага. Как будто спали. Ная, укрой Эльсу. Сава, осколок не доставай. Орин, доску убери.

— Ты командуешь?

— Сейчас — да.

Может быть, в моём голосе впервые за вечер прозвучало что-то от прежней Луны. Не власти над ними — власти над собственным страхом. Орин замер, потом с ненавистным сомнением затолкал доску под лавку.

Я вышла на крыльцо и прикрыла дверь за собой. Дождь почти прекратился, но воздух оставался мокрым. У ворот стояли двое всадников. Один держал фонарь, второй — свёрнутую ткань и небольшой мешок, притороченный к седлу.

— Ярина Северная? — спросил тот, что с фонарём.

— Здесь.

Он не спешился сразу. Осмотрел двор, окна, дым над трубой.

— Альфа Ровель велел передать, что утром пришлёт плотников. А это — на ночь. Тёплые вещи и еда.

Имя ударило по дому сильнее ветра. Мне показалось, что даже за закрытой дверью дети услышали его и перестали дышать.

Я спустилась на одну ступеньку.

— Передайте альфе Ровелю, что его забота запоздала.

Всадник поморщился. Не от сочувствия — от неудобства. Ему явно приказали передать и уехать, а не слушать бывшую Луну под дождём.

— Мне велено оставить.

— Оставьте у ворот.

— Нужно занести внутрь. Проверить, нет ли протечек, нет ли…

— Нет.

Он нахмурился.

— Дом стоит на земле стаи. Охрана имеет право осмотреть строение.

Вот оно. Даже милость приходила с ключом от чужой двери.

Я спустилась во двор и подошла ближе, но ворота не открыла.

— Этот двор передан мне решением Совета. Вы можете стоять снаружи и говорить о праве сколько угодно. Внутрь без моего разрешения не войдёте.

Второй всадник тихо сказал:

— Нам не нужен спор. Утром всё равно приедут старшие. Старый двор внесут в перечень пограничных домов. После отречения положена проверка.

После отречения. Словно моё унижение было не раной, а строкой в их порядке.

— Кто из старших? — спросила я.

— Ольгерд Тисс назначит.

Я сжала пальцы в складках мокрой юбки.

Ольгерд. Значит, утром сюда придут не просто люди Дамира. Придёт взгляд Совета. Печати. Вопросы. Возможно, списки.

За моей спиной, в доме, находились пятеро детей, которых эти списки уже однажды убили на бумаге.

— Оставьте вещи, — сказала я. — И уезжайте.

— Альфа велел…

— Альфа сегодня уже подтвердил достаточно решений, чтобы я перестала принимать их как заботу.

Всадник замолчал. В свете фонаря его лицо стало жёстче, но он всё же бросил мешок у ворот и положил рядом свёрток ткани. Может быть, не хотел скандала. Может быть, понял, что силой войти в дом бывшей Луны в первую ночь её изгнания будет слишком заметно даже для тех, кто привык не замечать.

Когда они развернули коней, я услышала обрывок фразы:

— …огонь горит, значит, не одна…

Второй шикнул на него, и дальше слова утонули в плеске грязи.

Я стояла у ворот, пока стук копыт не растворился в лесу. Только потом подняла мешок и ткань. Приняла ли я помощь Дамира? Отчасти — да. От этой мысли было неприятно. Но ещё неприятнее было бы оставить детей мерзнуть из гордости, которую никто, кроме меня, не оценит.

В доме меня встретила тишина.

Дети не лежали у очага. Они стояли. Все, кроме Тума, который всё ещё не поднялся из подпола.

Орин смотрел на свёрток в моих руках.

— Это от него.

— Да.

— Выброс.

— Нет.

Его лицо исказилось.

— Ты говорила, что не побежишь к ним!

— Я и не побежала.

— Но взяла!

— Потому что у Эльсы синие пальцы от холода, Сава дрожит, Ная засыпает сидя, а ты еле стоишь. Я могу ненавидеть того, кто это прислал, и всё равно использовать ткань, чтобы укрыть детей. Моя злость не должна греть только саму себя.

Орин открыл рот, но ничего не сказал. В нём боролись гордость и усталость. Усталость победила первой: его плечи опустились.

Я развернула ткань. Там оказались простые тёплые плащи, без гербов, без серебра, без знаков. В мешке — хлеб, сыр, сушёные ягоды, свечи и моток крепкой верёвки для ворот. Ничего роскошного. Ничего личного. Дамир послал не извинение. Он послал вещь, которую мог послать любой управитель после плохой проверки двора.

И всё же его имя принесло в дом страх.

Эльса тихо подошла ко мне.

— Луна.

Орин резко вдохнул.

— Не называй её так.

— Она не отдаст нас.

— Ты не знаешь.

Эльса посмотрела на меня снизу вверх.

— Не отдашь?

Так просто спросила. Так страшно.

Я опустилась перед ней на колени. Запястье ныло под рукавом, спина ломила от дороги, в голове гудели слова Совета, но в этот миг всё стало очень ясным.

— Не отдам, — сказала я. — Но утром сюда могут прийти люди. Значит, нам нужно решить, как встретить их так, чтобы вы остались здесь и никто больше не поставил на вас печать.

— Нельзя встречать, — прошептал Сава. — Надо прятаться.

— Иногда прятаться правильно, — сказала я. — Но если всё время жить под полом, они уже почти победили.

Орин поднял глаза.

— А ты знаешь, как победить Совет?

— Нет.

Мой честный ответ будто удивил его.

— Тогда зачем говоришь?

— Потому что знаю, с чего начать. С двери. С огня. С имён, которые не отдают тем, кто хочет их стереть.

Я подошла к косяку со старыми зарубками, взяла маленький уголь из очага и провела под старыми именами короткую линию. Не имя. Просто знак начала.

— Я не напишу ваши имена. Но этот двор больше не будет пустым. Пока вы здесь, он будет помнить, что вы есть. Не как список Совета. Не как ошибка. Как дети, которым нужен дом.

Ная молча взяла один из плащей и укрыла Эльсу. Сава придвинулся ближе к огню. Орин долго смотрел на чёрную линию под старыми зарубками. Потом отвернулся к люку.

— Тум, выходи, — сказал он глухо. — Она не лезла.

Снизу не ответили.

— Тум, — повторила Ная уже мягче. — Там плащ есть.

Тишина.

Я подошла к люку, но остановилась на расстоянии.

— Я не смотрю сверху, — сказала я. — Просто оставлю плащ на ступеньке.

Я наклонилась боком, не заглядывая в темноту, и положила ткань. В этот раз Ная не бросилась кусать. Это уже было победой, пусть крошечной.

Долго ничего не происходило.

Потом снизу поднялся мальчик.

Тум оказался старше Савы, но младше Орина. Тонкий, бледный, с тёмными волосами, которые закрывали почти половину лица. Он держал плащ перед собой, как щит. Его губы были плотно сжаты. Глаза — огромные, серые, слишком неподвижные для ребёнка.

Он не посмотрел на меня. Сразу сел рядом с Наей и подтянул колени к груди.

— Спасибо, — прошептала Эльса за него.

Тум едва заметно качнул головой, будто просил её молчать.

Я не стала подходить. Только поставила рядом с ним миску, уже остывшую, но всё ещё тёплую. Он взял её двумя руками. Пальцы у него дрожали.

Орин сел у двери. Ная — у детей. Сава устроился рядом с косяком и так долго смотрел на старые имена, что я подумала: может быть, когда-нибудь он попросит оставить там и своё. Не сегодня. Сегодня от него хватило того, что он не спрятался обратно под пол.

Я закрыла щели у окна тканью, подбросила в очаг ещё дерева и проверила засов на двери. Дом стал тише. Не безопасным — до безопасности было далеко, особенно если утром приедут

люди Ольгерда, — но уже не мёртвым. В нём дышали дети. Скрипела лавка под Ориным. Шуршала ткань, когда Ная поправляла плащ на Эльсе. Сава тихо постукивал ногтем по осколку под рубахой. Тум ел медленно, почти беззвучно.

Я села у очага и впервые за весь день позволила себе закрыть глаза.

Не надолго.

Снаружи ухнула ночная птица. Тум вздрогнул так резко, что миска выпала из его рук и покатилась по полу. Эльса потянулась к нему, но он отшатнулся. Плащ сполз с его плеча.

И тогда я увидела.

На коже, чуть ниже плеча, вспыхнули тонкие серебристые линии. Они проявились не как рисунок краской и не как шрам, а как живой свет под кожей: рассечённый утёс, волчья лапа и изогнутая черта, похожая на лунный коготь.

Я знала этот знак.

Видела его на печати Дамира. На застёжке его плаща. На камне над входом в родовую башню Ровелей.

Тум зажал плечо ладонью, но было поздно. Орин вскочил, Ная побелела, Сава судорожно схватился за свой осколок.

А я смотрела на мальчика, которого вычеркнули из стаи, и понимала, что передо мной горит родовой знак Ровелей.

Такой же, как у Дамира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.